

УДК 784(=511.131)

И. В. Пчеловодова

**«ПОРЪЯЛОЗ, ПОРЪЯЛОЗ...»:
НАРОДНОЕ «АВТОРСТВО»
И ОБЩЕУДМУРТСКИЙ РЕПЕРТУАР**

В статье рассматриваются пути распространения удмуртских необрядовых лирических песен узлокального характера к общенациональному репертуару. В качестве примера взят текст песни «Поръялоз, поръялоз...» из сборника удмуртского поэта, критика и ученого Кузубая Герда «Малмыж удмуртъёслэн кырзанъёссы» (1920 г.). В процессе анализа выявлено, что популярность песни вызвана ее публикацией в многочисленных песенных сборниках, а также ее исполнением самим Кузубаем Гердом, пользовавшимся в начале XX века огромной популярностью. Высказывание ученого, что песню «Поръялоз, поръялоз...» знала и пела только его мама – Агафья Чайникова, дает нам возможность отнести ее к разряду архаичных, так называемых именных песен, до сих пор сохранившихся в музыкальном фольклоре удмуртов.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, локальная традиция, общеудмуртский, именные песни, распространение песни, мотив, контекст бытования, популяризация.

Удмуртский песенный фольклор складывается из множества локальных традиций. Самобытность и неповторимость каждой из них придает ему особую изюминку, так как, несмотря на схожесть контекста бытования песен, набора определенных ритмоформул, интонационных комплексов, художественных приемов и образов, каждая традиция вырабатывает свои, присущие только ей, музыкально-поэтические «идеалы» на базе определенного набора песен (обрядовых и необрядовых). Калейдоскоп удмуртских песен создает неповторимый музыкальный «узор», отличающийся в широком ракурсе рассмотрения от музыкального фольклора других народов, в узком – внутри самой культуры.

Как известно, обрядовая песенная сфера, в силу своей «нетерпимости» к нововведениям (петь так же, как пели предки!), подвергается наименьшим изменениям, не выходя за пределы своего ареала функционирования. Такое «правило» способствовало, с одной стороны, сохранению наиболее архаичных жанров удмуртского фольклора, с другой – исчезновению многих из них в связи с утерей ритуальных практик в данной традиции и отсутствием аналогичного музыкального материала в других.

Необрядовые песни, в отличие от обрядовых, имеют более широкий спектр распространения, зачастую из узколокальных превращаясь в общеудмуртские. За этим кроется несколько причин. Однако одной из главных необходимо назвать открытость границ самого жанра, его незакрепленность за определенной ритуальной ситуацией.

Мы попытаемся рассмотреть причины распространения и популяризации необрядовой песенной лирики на примере песни «Поръялоз, поръялоз...» («Кружится, кружится...»). Наиболее ранние ее публикации мы находим в сборниках Кузубая Герда [1, 2, 4]:

<i>Поръялоз, поръялоз Ворпо чибор душесэд. Со душес кызъы поръя – Мынам сюлэм сьчѐ ик!</i>	Кружится, кружится Полосато-пестрый ястреб. Как этот ястреб кружится – Мое сердце так же [волнуется/мечется]!
<i>Поръялоз, поръялоз Вало дор но кожѐсьсѐд. Со кожѐд кызъы поръя – Мынам кӧты сьчѐ ик.</i>	Кружится, вращается Водоворот Валу реки. Как этот водоворот кружится – Моя душа так же [волнуется/мечется].
<i>Ой, кӧты шуко ке, – Кӧтлэн пумаз ку вуод? Ой, сюлмы шуко ке, – Сюлэмлэн пумаз ку вуод?</i>	Ой, когда тяжело на душе (букв.: когда говорю, душа моя), – Исчерпаешь ли до конца всю ее тяжесть? Ой, когда на сердце тяжело (букв.: когда говорю, сердце мое), – Исчерпаешь ли до конца все его переживания?
<i>Ой, уг лу поттыны Толалтэ сяськаез. Ой, уг лу берыктыны Шулдыр пинал даурез!.. [1. С. 3–4].</i>	Ой, не получается найти Зимой цветка. Ой, не получается вернуть Веселой молодой поры!..*

Интерес к этой песне вызвало высказывание самого Кузубая Герда: «“Поръялоз, поръялоз” – кырзанэз муми сяна быдэс Дӧкъя (Вавож вол.) ёросын тодысь ӧй вал» («“Поръялоз, поръялоз” – песню кроме мамы во всей окрестности д. Докъя (Вавожской вол.) никто не знал») [2. С. 3]. На основании этого высказывания некоторые исследователи (П. К. Поздеев, Р. А. Чуракова) предположили, что автором песни является мать Герда [8. С. 36; 10. С. 49]. Этот факт небезынтересен тем, что поднимает вопрос о так называемых авторских песнях. Хотя, на мой взгляд, здесь уместнее говорить не об авторских, а об именных, отчасти личных, песнях, часто обозначаемых в удмуртской традиционной культуре по именам тех или иных исполнителей. Несмотря на то что имя в названии песни не присутствует, вышеприведенная цитата Кузубая Герда подтверждает ее народное «авторство».

Есть все основания полагать, что номинация имени автора в названиях удмуртских песен, как и в песнях многих народов Сибири и тихоокеанских островов, имеет древние корни. Факт сохранения имени в названии песни влечет

* Перевод автора статьи. – И. П.

за собой сохранение памяти о человеке, создавшем/положившем ей начало (при этом не важно, является ли она новосочиненной или просто переинтонированной на основе традиционных песен). Сам прецедент соотносится с неким «первособытием»: то, что было в начале, раньше, в прежние времена, и «с теми, кто положил начало этой традиции» [10. С. 143]. Песня не просто «приписывается» исполняющему ее человеку, но и олицетворяет собой самого человека, отчасти заменяет его. Например, *личные песни* манси являются своего рода визитной карточкой человека, так как характеризуют его социальный статус [7. С. 163]. В коми импровизациях память об авторах закрепляется с помощью изложенных ими событий и конкретных случаев из их жизни, рассказы о которых в устах потомков звучат как семейная реликвия, память о предках и друзьях [6. С. 10].

Еще в начале XX в. Кузубай Герд писал: «Выдают девушку замуж, и она сочиняет для подруг на память свои песни. В последний раз перед отъездом собираются к ней тесным кружком подруги, девушка в последний раз говорит и поет все, что ей нужно передать, сказать. И снова задушевные “песни Сэдык, Матй, Сандй” звенят в деревне, получают новые вариации и оттенки» [3. С. 22]. Рекрут, покидая родной дом, также исполнял песню, которая до возвращения самого человека «хранилась» под его именем.

Именные песни до сих пор активно бытуют в удмуртской традиционной культуре. В полевой практике информанты нередко сообщали, что та или иная песня была любимой у отца (*атайлэн/тятялэн гурез*) или у матери (*анайлэн/мумилэн гурез*). Думается, что и в случае с Кузубаем Гердом песня «Поръялоз, поръялоз...» была любимой, а потому и часто исполняемой песней его матери. Возможно, что и последовательность стрóf сохранилась та же, так как в традиционной культуре удмуртов считалось принятым начинать исполнение подобных песен любимыми строфами-куплетами «автора». Это обстоятельство доказывается и на практике: поэтический текст зафиксированных вариантов песни «Поръялоз, поръялоз...» обязательно включает первые три строфы, после чего возможно привнесение новых четверостиший.

По своим композиционным особенностям именные песни сходны с лирическими песнями раннего пласта, то есть их поэтические тексты состоят из разных стрóf, совпадающих не только по своему эмоциональному наполнению, но и соответствующих ситуации исполнения. При этом у каждого певца складывается «свой», определенный, набор куплетов. В содержательном плане именные песни раскрывают внутреннее душевное состояние человека. Здесь звучат мотивы горестного характера: об уходящей/прошедшей молодости, несостоявшегося счастья, сожаления/переживания и т. д., очень близких для мироощущения традиционного исполнителя – петь «для себя», когда необходимо выговориться/высказаться.

Обращает на себя внимание ситуация исполнения рассматриваемой песни – *юондыр сям* «гостевой обряд». Именно гостевание способствует большей открытости чувств и эмоций по сравнению с повседневностью. Есть возможность выразить внутренние ощущения печали и радости через свою любимую песню. Так, например, в д. Дубровский Киясовского р-на УР во время гостевания мужчину усаживали на стул в центре дома и просили запеть «свою» мелодию, которую в дальнейшем подхватывали все присутствующие. Важно заметить,

что при жизни самого исполнителя другие жители не имели права запевать его песню. В настоящее время таких строгих предписаний уже не существует*.

В статье П. К. Поздеева имеется примечательная заметка о том, что автором песни «Поръялоз, поръялоз...» многие считали Кузубая Герда [8. С. 35], и это вполне оправданно. Как отмечает Р. А. Чуракова, «В 20-е годы, по воспоминаниям современников, К. П. Герд был очень популярен как певец. Он пел народные, революционные песни, песни своего сочинения» [10. С. 50]. Видимо, и в этом случае песня олицетворяла исполняющего ее человека, приписывалась ему. Кроме того, здесь мы наблюдаем преемственность поколений, когда песня от матери переходит к сыну. Аналогичные ситуации олицетворения одной и той же песни с озвучивающими ее певцами, в традиционной культуре удмуртов встречаются достаточно часто. Например, как вспоминает удмуртский исследователь, лингвист М. Г. Атаманов, во время встречи с родственниками или членами деревенской общины в честь какого-либо праздника его отец непременно исполнял один и тот же напев, который именовался как *Пилька Митрейлэн гурез* – напев Димитрия Филиппова. Это был известный и почитаемый в деревне человек, высокого социального статуса, унтер-офицер. Во время формирования колхозов Д. Филиппова раскулачили. Всем жителям в деревне запомнилась песня, исполненная Дмитрием, с помощью которой он выразил тяжесть своего положения. Лишь после смерти отца М. Г. Атаманова – Гаврила Ивановича, эту песню в деревне стали называть напевом Гаврила – *Гавирлэн гурез*.

Таким образом, немаловажную роль в популяризации и распространении песни «Поръялоз, поръялоз...», с одной стороны, способствовала сама личность Кузубая Герда в качестве ее исполнителя, с другой – его песенные сборники. Особенно следует выделить сборник 1927 г., в котором песни расположены по локальному принципу, и к некоторым из них имеются нотные расшифровки. В этом ряду необходимо назвать еще несколько великих имен – Кузьмы Алексеевича Ложкина и Григория Ивановича Титова, блестяще исполнивших обработку данной песни. К сожалению, их замечательное исполнение сегодня нигде не демонстрируется, хотя, как известно, записи хранятся в фондах ГТРК «Удмуртия».

В настоящее время существует множество вариантов этой песни, в том числе записанных фольклорно-этнографическими экспедициями Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, студентами Удмуртского государственного университета, Республиканского музыкального колледжа в разных уголках Удмуртской Республики. Каждый из них имеет свой вариант мелодии, поэтического текста, исполнительской интерпретации. Дальнейший анализ вариантов песни позволил бы раскрыть особенности традиционного мышления, проявляющиеся в стабильности и мобильности ее поэтических и музыкальных компонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Герд К. Малмыж удмуртъёслэн кырзәнтьёссы* = Избранные песни малмыжских вотяков. Кн. 1. Сарапул: Изд-во Центрального Вотского отдела при Народном комиссариате по национальным делам, 1920. 16 с.

* Благодарю за предоставленный материал докторанта Тартуского университета Николая Анисимова.

2. Герд К. Удмурт калык кырзәнъёс. М., 1924. 1-тй кн. 66 б.
3. Герд К. Вотяк в своих песнях // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Книга 1-я. Москва, 1926. С. 17–40.
4. Герд К. Удмурт калык кырзәнъёс. Ижевск: Удкнига, 1927. 1-тй кн., 3-тй шуккетэз. 113 б.
5. Микушев А. К. Коми импровизации и их саамско-угорские параллели // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1976. № 17. С. 3–15. Труды Ин-та языка, литературы и истории.
7. Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. II).
8. Поздеев П. К. «Порьялоз, порьялоз» // Удмурт кырзәнъёс сярсысь веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 34–41.
9. Топоров В. Н. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979. С. 141–149.
10. Чуракова Р. А. Песня в творчестве К. П. Герда // Истоки искусства Удмуртии: Сб. науч. тр. / Удм. ин-т ИЯЛ УРО АН СССР. Ижевск, 1989 С. 49–67.

Поступила в редакцию 21.05.2014

I. V. Pchelovodova

«Poryaloz, Poryaloz...»: Folk «Authorship» and All-Udmurt Repertoire

The article deals with the ways of distribution of the Udmurt non-ritual lyrical songs from local variants to the national repertoire. As an example the author analyses the text of the song «Poryaloz, poryaloz...» collected by the eminent Udmurt scholar Kuzebay Gerd (issue «Malmyzh Udmurtyoslen kyrzanyosy», 1920). The analysis revealed that the popularity of the song is caused both by its publication in numerous songbooks and performance by Kuzebay Gerd himself, who was very popular at the beginning of the 20th century. Kuzebay Gerd wrote that the song «Poryaloz, poryaloz...» was known and performed only by his mother – Agafya Chainikova. This fact gives us the opportunity to take it to the category archaic, so-called personal songs. They still preserved in the song culture of the Udmurts.

Keywords: the Udmurt folklore, local tradition, All-Udmurt repertoire, personal songs, distribution of a song, tune, context of functioning, popularization.

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: orimush@mail.ru

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
The Udmurt Institute of History, Language and Literature

of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: orimush@mail.ru